

В сумерках на них обрушилась туча насекомых. В панцирях и без, кусающие и жалящие, стреко-чущие, жужжащие и гудящие — все они расправили свои крылышки и с невообразимым проворством устремились в глаза, рты и носы единственным трем человеческим существам, которых смогли отыскать в лесу. Пасха спрятался в свою футболку, а доктор Свенсон и Марина замотали головы, будто бедуины в песчаную бурю. Зато, когда стемнело, лишь заблудившиеся особи натыкались на людей, а основная летучая публика предпочитала расставаться с жизнью, ударяясь о два ярких прожектора, укрепленные на бортах лодки. Ночь наполнилась стуком хитина о стекло.

— Доктор Рапп всегда говорил, что энтомологам тут раздолье, — сказала доктор Свенсон, разворачиваясь к крылатой армии спиной. — Зажжешь свет — и образцы сами к тебе летят.

Невидимые джунгли пугали Марину. Ей казалось, что вся местная растительность, каждый корень и каждый побег, тянется к ним, хочет задержать лодку.

— Не только сами летят, но еще и любезно сами себя убивают, — добавила она.

— Хуже, чем град, — проворчала доктор Свенсон, сплевывая на палубу какого-то жучка. — Ладно, обойдемся без огней.

И она выключила прожекторы.

Завеса из насекомых моментально исчезла, и Марина увидела такую темноту, какой не видела никогда прежде. словно сам Господь погасил все свои огни до последнего и оставил землю в зияющем мраке своей немилости.

— Разве Пасхе не надо смотреть, куда он ведет лодку? — удивилась Марина.

Из-за шума мотора она едва слышала свой голос. Мальчишка, способный найти одну ветку на тысяче миль сплошных зарослей, разумеется, мог отыскать путь домой и в темноте. Свет здесь был нужен только ей.

— Раскройте глаза, доктор Сингх, — сказала доктор Свенсон. — Поглядите на звезды.

Марина вытянула руки и шарил в воздухе, пока не нащупала веревку у борта лодки. Крепко вцепилась в нее, выглянула из-под навеса и увидела яркие светила, рассеянные по своду ночного неба. Марине вдруг показалось, что она видит звезды впервые в жизни. Она не знала таких чисел, чтобы пересчитать их, но если бы и знала, звезды было невозможно отделить одну от другой, в совокупности они были в тысячу раз величественнее. Перед Мариной развернулся атлас

созвездий, во тьме проступили фигуры героев древних мифов. Теперь она ясно видела разлитое по небосклону дымчатое сияние. А когда смогла наконец оторваться от развернувшегося над ними астрономического действия и посмотрела вперед, увидела еще один огонек, мигавший на горизонте, словно мираж. Маленький, оранжевый, он растягивался тем больше, чем ближе они подплывали, а когда Марина уверилась, что смотрит на светящуюся линию, та рассыпалась на множество прыгающих точек.

— Там что-то есть, — сказала она доктору Свенсон. — Это огонь.

Ей хотелось добавить: «Поверните лодку».

— В самом деле, — согласилась доктор Свенсон.

Сначала Марина насчитала дюжину огней, потом их число утроилось, а потом их стало столько, что сосчитать было невозможно. Прежняя сияющая линия разделилась на слои, и в тех слоях кружки света тоже не стояли на месте, а все время двигались. Что это было? Занялись верхушки деревьев? Что-то горело на воде? Пасха включил прожекторы на лодке, и огни тут же запрыгали. Ночь взорвалась множеством голосов, бесчисленные языки бились о небо в бесчисленных ртах — «ла-ла-ла-ла-ла!». Эти звуки наполнили джунгли и волной понеслись по реке.

На берегу реки толпились люди.

Они приехали к туземцам. В этом и заключалась цель путешествия, как Марина могла забыть? До этого момента джунгли пугали ее своей безлюдностью — здесь были лишь растения и насекомые, цепкие лианы и невидимые звери. Но теперь Марина поняла, что встреча с людьми — худшее, что может случиться с

ней в этой чаще, словно она шла одна по темной улице и, свернув за угол, увидела кучку парней, сумрачно взирающих из подворотни.

— Это лакаши? — спросила Марина, надеясь, что на берегу поджидают хотя бы не таинственные незнакомцы.

— Да, — подтвердила доктор Свенсон.

Марина немного подождала, надеясь услышать что-то кроме «да». Она посреди ночи плыла по безымянной реке сквозь дикие джунгли и чувствовала себя так же, как всегда в присутствии доктора Свенсон, — как Оливер Твист, тянущий руки с пустой миской. Старшая коллега могла бы и догадаться, что для Марины это, мягко говоря, непривычная ситуация. Могла бы проявить великодушие и рассказать, как сама впервые встретилась с племенем лакаши, что-нибудь вроде «Мне повезло — это произошло днем» или «К счастью, доктор Рапп знал, что делать». Но доктор Свенсон не была бы доктором Свенсон, если бы так поступила. Лодка подбиралась к скачущим, крутящимся огням. Марина уже могла различить очертания людских волос и плеч — мужчины и женщины махали горящими палками, дети держали горящие ветки; все прыгали и кричали. От палок и веток летели во все стороны искры и гасли, не успев коснуться земли. Искр было много, почти столько же, сколько звезд. Звуки тоже стали явственной — слишком громкие для птиц, слишком ритмичные для животного. Марина вспомнила, как отец взял ее на чьи-то похороны — тысячи огоньков в бумажных чашах плыли по Гангу, люди толпами стояли на берегах, забредали в воду; ночной воздух наполнился

благовониями и дымом. Под цветочным покровом ощущался гниловатый запах воды. Тогда Марина так напугалась, что уткнулась отцу в плечо и просидела у него на руках всю ночь, но теперь она была рада, что видела ту церемонию, хоть и мельком. Воспоминание не помогало осмыслить то, на что доктор Сингх смотрела сейчас, но заставляло лишний раз задуматься о непознаваемости мира.

— Как вы думаете, что у них случилось? — спросила Марина.

Некоторые люди на берегу бросали свои факелы, заходили в воду и плыли к лодке. В том, что они с легкостью залезут на борт, Марина не сомневалась. Но вот как она сама будет сходить на берег?

— Что вы имеете в виду? — спросила доктор Свенсон.

«Что вы имеете в виду, доктор Сингх, когда говорите, что это рак шейки матки второй стадии?»

Марина, не находя слов, просто простерла руки к берегу.

Доктор Свенсон поглядела на пловших к ним мужчин — те тянули шеи, как черепахи, чтобы вода не попала в вопящие рты. Потом оглянулась на гостью, словно поверить не могла, что опять придется возиться с пятничным кроликом.

— Случилось то, что мы вернулись.

Марина отвернулась от бурных приветствий, горящих веток, прыжков, плеска воды и нескончаемого «ла-ла-ла-ла-ла» и снова посмотрела на доктора Свенсон. Профессор устало и важно кивала ликующему племени.

— Вы ведь уезжали только на одну ночь.

— Они никогда не верят этому. Сколько я ни объясняла, все без толку. Их восприятию времени не хватает...

Она не договорила. Лодка резко накренилась — это несколько мужчин ухватились за борт и подтянулись на руках. Ящик с грейпфрутовым соком сорвался с места, ударил Марину по ногам и едва не сбросил на индейцев. Доктор Сингх удержалась, схватившись за шест. Разъясняя семье преимущества понтонной лодки, отец неизменно подчеркивал: она не только легкая в управлении и непотопляемая, в нее легко забраться, если вдруг упадешь в воду. Впрочем, в воду никто из них на каникулах не падал, так что проверить теорию на практике не удалось. Мокрые туземцы влезли на палубу и выпрямились. Ростом они были гораздо ниже Марины, но выше доктора Свенсон, одеты в нейлоновые спортивные шорты и майки с американскими логотипами — «Найк» и «Мистер Бабл». На одном красовалась бейсболка «Петербилт». Лакаши зашлепали ладонями по спине и плечам Пасхи, словно гасили на нем огонь. Мальчик радостно обхлопывал мужчин в ответ. Их было семеро, потом прибавились еще двое, и все пронзительно орали. Черная вода вокруг лодки бурлила от пловцов. Время от времени Пасха поворачивал прожектор и светил на воду; индейцы дружно задирали головы и махали. Их движения были слаженными, как у стаи тарпонов. Никто не мог винить Пасху в том, что он плывет прямо на людей — кроме как на людей, плыть было некуда. Когда медленно скользившая по воде лодка задевала чью-то голову или плечо, лакаши просто нырял под нее и появлялся в другом месте (если

допустить, что выныривал тот же человек). Скольким лодкам за всю историю Латинской Америки доводилось получать столь теплый прием от коренного населения? Один из лакаши посмотрел на Марину снизу вверх и, не глядя в глаза, потрогал мокрой рукой ее щеку. Двое других теребили ее волосы. Четвертый нежно, еле заметно провел ладонью по ее руке. Марина словно попала к слепым. Когда пятый туземец дотронулся до ее груди, доктор Свенсон резко хлопнула в ладоши.

— Хватит! — заявила она, и лакаши отскочили, наступив на ноги задним, которые ждали своей очереди.

Все умолкли и посмотрели на доктора Свенсон. В этот момент Марина поняла две вещи: лакаши не говорят по-английски и не знают слова «хватит», но подобные пустяки не мешают им делать все, что скажет доктор Свенсон. От металла в голосе профессора пульс Марины забился чаще, чем от мокрых рук туземцев. Теми, в конце концов, двигали не дурные намерения, а скорее любопытство. В их иерархии доктор Свенсон была несомненным авторитетом, и Марина чувствовала себя ближе к индейцам, чем к бывшей преподавательнице.

— Ступайте! — приказала доктор Свенсон и махнула рукой за борт лодки. Один за другим мужчины послушно прыгали в воду, частенько — на головы соплеменников.

— Это необычайно тактильные люди, — пояснила она, когда последний лакаши исчез в фонтане брызг. — Они не имели в виду ничего плохого. Просто для них не существует того, чего они не могут потрогать.

— Но вас-то они не трогали, — заметила Марина, вытирая лицо рукавом.

Доктор Свенсон кивнула:

— Они уже знают, что я существую.

У берега виднелась узкая, похожая на указующий в реку палец пристань. Пасха ловко подвел к ней лодку. Тут мужчины отдали женщинам горящие палки и надежно пришвартовали лодку, потом схватили коробки, ящики и багаж и унесли все это в ночь. Многие хлопали Марину по плечу или останавливались, чтобы дотронуться до ее головы, но от работы не отлынивали. Теперь пели одни женщины, а когда Марина с Пасхой и доктором Свенсон уходили с лодки, они подняли над головой факелы, чтобы лучше освещать дорогу. На них были домотканые платья-рубашки тусклой расцветки, а волосы заплетены в длинные косы. На груди они несли младенцев в слингах, дети постарше цеплялись за их ноги, за подолы, и в черных глазах отражался свет факелов. Доктор Свенсон тяжело шагала по тропе в джунгли, время от времени кивая восторженно голосящим индианкам. Дети трогали брюки Марины, женщины прикасались пальцами к ее ушам и ключице. Иногда какой-нибудь малыш тянул руки к доктору Свенсон, и тогда мать поспешно их убирала.

— Они ведь не могли знать, что вы сегодня вернетесь, — заметила Марина, стараясь держаться ближе к старшей коллеге. Она даже осмелилась взять ее под руку. — Вы же иногда задерживаетесь в Манаусе на две три ночи.

— Бывает, что и на неделю, — ответила доктор Свенсон, глядя перед собой. — Приятного мало, но приходится.

Беременная индианка забежала вперед и отогнула висящую у них на пути ветку.

— Если у них нет представления о времени, а вы никак не можете с ними объясниться, как они узнают о вашем возвращении?

— Они и не знают.

— Почему же тогда они устроили все это сегодня?

Доктор Свенсон остановилась и повернулась к Марине. Множество огней дробили ночную тьму, и тени, так же, как и голоса лакаши, приносились со всех сторон. То и дело кусок горячей палки падал на кучу листьев. Марина не понимала, как лес до сих пор не превратился в кучку дымящейся золы.

— Насколько я понимаю, они делают так каждую ночь, когда я в отъезде. Но точно не знаю, не интересовалась. Вы можете спросить об этом утром у доктора Нкомо. Сейчас я прощаюсь с вами, доктор Сингх. Устроиться вам поможет Пасха. А я устала.

После этих слов она пошатнулась, и Марина крепче взяла наставницу под руку. Доктор Свенсон прикрыла глаза.

— Со мной все в порядке, — сказала она и вновь взглянула на Марину. Казалось, ей не хватает воздуха. — Немного не рассчитала силы.

Доктор Свенсон протянула руку, и стоявшая у тропы женщина со спящим на груди младенцем и близнецами, ухватившимися за ее юбку, повела исследовательницу куда-то в темноту. Вместе с доктором Свенсон удалились все огни и звуки. Лакаши столпились вокруг фонаря, который она держала, хотя если кому-то сейчас и нужен был фонарь, так это Марине, оставшейся в полном одиночестве в темноте.

И хотя сейчас ей следовало побеспокоиться о докторе Свенсон, чей организм явно проигрывал в битве с джунглями, Марина думала о копьеголовых змеях. Где они спят — на земле или на деревьях? А если на деревьях, то падают ли во сне с веток? Самым разумным было следовать за толпой, чтобы оставаться на свету, но, сделав несколько шагов, Марина уже не знала, куда ступить. Вокруг все трещало и хрустело. Мелкие колючки цеплялись за одежду, кто-то полз по шее. Она уже собиралась звать на помощь, но увидела свет. От пристани в ее сторону падал длинный луч. Фонарик! Марине показалось, что она в жизни не видела более впечатляющего достижения цивилизации. Было совершенно ясно, что к ней идет Пасха. Он не играл фонариком, как это делал бы всякий мальчишка, направлял луч только на тропу, а не в глаза Марины и не на верхушки деревьев. Подойдя, Пасха взял ее за руку, и они вместе пошли дальше в джунгли по узкой тропе, которая вполне могла быть не более чем случайной длинной проплешиной в амазонском подлеске. Марина шла за мальчиком и ставила ноги туда, где только что ступал он. Пасха расчищал путь — убирал свешивающиеся с деревьев лианы и паучьи сети, до того огромные и крепкие, что в них мог запутаться маленький поросенок. Марина думала лишь о том, как не упасть, и совсем не смотрела, куда Пасха ее ведет. Наконец они остановились перед жестяным кубом на сваях. Мальчик достал из-под лежащего на земле камня ключ и отпер дверь. Марина не ожидала увидеть в джунглях дверь, и уж тем более с замком. Зайдя внутрь, Пасха обвел лучом фонаря стол со стульями и штабели ящиков. Некоторые показались знакомыми: сок, рагу. Все

еще не отпуская руку Марины, Пасха повел ее в глубинную кладовую. Через вторую дверь они вышли на широкую веранду или, может, в другую комнату — Марина толком не поняла. Ветра не было — воздух тревожили лишь крылья бесчисленных насекомых. Пасха направил фонарик на полог москитной сетки, свисавшей с потолка и укрывавшей раскладную койку. Мальчик показал на Марину, потом на спальное место. «При свете дня все будет выглядеть по-другому, не так угнетающе», — подумала она.

Присев на край койки, Марина сообразила, что, распереживавшись из-за огней, змей и любопытных рук туземцев, забыла на лодке свою сумку. Ужасно хотелось переодеться и почистить зубы, но она не знала, где найти таз с водой. Марина не могла придумать, какими жестами попросить Пасху, чтобы он проводил ее к лодке. Идти одной было страшно, и она решила потерпеть до утра. Больше всего Марине сейчас не хватало мобильного. Надо было еще до отъезда из Манауса позвонить мистеру Фоксу. Наверняка он уже отправил ей десяток голосовых писем. Завтра утром, прослушав их, она уловит в голосе шефа нарастающую панику. С ее стороны это был каприз и ничего больше, она хотела наказать мистера Фокса, заставить весь день мучиться неведением. А теперь не сможет его успокоить, потому что слишком темно разыскивать телефон. А может, он думает, что она уже на полпути к Майами и скоро будет дома, ведь Марина говорила ему о таком варианте, хотя он вряд ли поверил.